Веч. Москва. — 1993. — 28 янв.

Ролан БЫКОВ:

Я В ТРАНСЕ ОТ ТОГО, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ С КУЛЬТУРОЙ

● Чистые пруды, 12/А — адрес Международного фонда развития кино и телевидения для детей и юношества. Этот фонд становится одним из заметных культурно-просветительских мест Москвы, России и Содружества Независимых Государств. Недавно здесь открылся фестиваль-университет «60-е и Мы», который завершится 30 января.

Разговор нашего обозревателя кандидата искусствоведения Валерия Козлова с президентом центра Роланом Антоновичем Быковым о легендарных 60-х, конечно, не мог не затронуть мучительных проблем 90-х.

Не только о 60-х

— Ролан Антонович, этим фестивалем вы как бы выводите современного зрителя на прямой диалог с 60-ми. Чем, на ваш взгляд, они интересны для нас сегодня?

— 60-е — особые годы. Время первого шага крушения тоталитаризма, первых реабилитаций, рождения абсолютно новых направлений в искусстве, резкого увеличения числа фильмов, притока в кино и телевидение молодых творческих сил. Заметные приметы того времени — КВН, «Кинопанорама». Одним словом, время политической «оттепели» чрезвычайно важно своей искренностью, исповедальностью, стремлением к истинным ценностям.

Те недолгие годы «оттепели», по существу, оказались огромным пространством времени. И несмотря на то, что в последовавшие три десятилетия мы вновь вернулись к системе «завинчивания гаек», оно сделало очень многое, предопределило на все последующие годы тоталитаризма ту борьбу с ним, которая в наши дни достигала апогея.

— Вы готовы сегодня что-то «забыть»?

— Забыть? Я никогда не был в партии, подвергался гонениям, по неведомым причинам меня не раз снимали с ролей, не давали работать. В 54 года я оставался самым великовозрастным заслуженным артистом, имея десятки ролей и фильмов, которые любили зрители.

Нет, я хорошо помню, как мой «Айболит-66» успел проскочить на экраны, но пока шли премьеры, его уже запрещали. А «Дневные звезды» И. Таланкина и великий «Андрей Рублев» А. Тарковского так и не дошли тогда до экрана... Это у нас какая-то беда: в 17-м выкинуть всю старую культуру, а потом мучительно к ней возвращаться, и в 90-х выкинуть все, что дала отечественной культуре короткая эпоха нашего идеализма. И тем не менее, убежден, 60-е на многое могут пролить свет. Ведь, отвергая тоталитаризм, ГУЛАГ, мы вместе с ужасами той жизни выплескиваем сегодня едва ли не саму жизнь и уж во всяком случае очень многое, что касается человека, самых светлых его воспоминаний детства.

Сегодня я в трансе от того, что мы делаем с культурой. Уверен: надо защищать ценности — огромные, невероятные ценности того времени. Наша история — не только хроника деятельности правительств и охранных отделений. Мы забыли, что есть история народов, миллионов людей, культуры, духовной жизни, страданий.

Когда сегодня прошлое хотят представить в виде беспросветного рабства, а нас как рабов, я понимаю, что нахожусь в зоне новой пропаганды. Мы опять хотим объяснить все лишь сиюминутными политическими категориями. Этого явно недостаточно. Настоящее понимание придет позднее, хотя люди стремятся к нему. Но сегодня в этом, видимо, мало официальной заинтересованности.

— Интересно, что кинематограф для детей своими лучшими работами в 60-е активно включился в процесс нравственных исканий.

— Для кинематографа шестидесятые оказались, можно сказать, золотым веком. Дебютируя в детском кино, в наш кинематограф тогда вошли С. Бондарчук, А. Тарковский, А. Кончаловский, Г. Данелия, И. Таланкин, А. Митта, А. Салтыков, Р. Чхеидзе, Т. Абуладзе, Э. Ишмухамедов, А. Жебрюнас...

Но критика, на мой взгляд, так и не осмыслила, почему образ ребенка стал центральным в тот период. А дело, думаю, в том, что шел поиск нового неофициального демократического героя — рыцаря без страха и упрека.

В стремлении к исповедальному искусству все обернулись к детству. Я помню успех фильма И. Таланкина и Г. Данелии «Сережа» и взрывчатую фразу: «У меня есть сердце! Не верите — послушайте!». Оказалось, что у маленького человека, у героя фильма, есть сердце.

— Ваш дом на Чистых прудах, кажется, дня не живет без оригинальных придумок. Вот и сейчас у вас не просто фестиваль, но еще и университет. Что это значит?

— Это поиск формы, соединяющей радость общения с большим искусством и элементы обучения. Но не пугайтесь, не лекциями а самой энергией кино.

Пятьдесят лучших фильмов мы адресуем нашей главной аудитории — учителям и учащимся, родителям и детям. Эта смешанная аудитория, оказавшись в атмосфере духовности киноклассики, мы надеемся, лучше узнает друг друга, многое поймет о времени и о себе.

— Несколько прозаический, но сегодня наиболее актуальный вопрос — кто финансировал этот фестиваль?

— Все затраты взял на себя фонд. Каждый просмотр обходится нам недешево. Но коммерческих целей мы не ставим. Детским домам, школам с киноклубами, филиалу Московского кинолицею, Международной киношколе, Институту культуры мы выделяем абонементы бесплатно.

Думая о развитии кино для детей, мы ищем поддержку и ту общественную силу, которая могла бы оказать нам помощь. Мы нашли такую силу прежде всего среди учителей. Да-да, те самые консерваторы, как мы считали еще недавно, кто критиковал нас с точки зрения и по поводу. Они оказались единственными, кто хочет того или иного, но занимается детьми. Сегодня для нас дети и их учителя — общественность и другой, думаю, в ближайшие годы не будет.

— И вы находите взаимопонимание?

— Мы создали ассоциацию учителей кино. Открыли отделения в различных регионах России. Ведем большую просветительскую работу.

— Вы полагаете, что еще можно противостоять эскалации бездуховности?

— Уверен, что бездуховности противостоит миросознание России, наш язык. Да, культура мельчает. Об этом писал еще Герцен: мещанин интеллигентствует, интеллигент впадает в мещанство по невозможности удержаться. Думаю, что поп-культура и поп-сознание не сдерживают верх, а имеют огромное распространение. Уровень претензий к искусству снижается. Его как бы переводят в сферу обслуживания, а человека — в потребители.

Раньше в газетах писали «талантливый актер», теперь пишут «популярный». Художественных различий как бы нет. Но тем не менее сегодня незаметно происходит аристократизация духа. Отдельные проявления этого мы видим хотя бы в негативном отношении молодежи к ополитизировавшимся средствам массовой информации, в том, что даже в масс-культуре, например, на эстраде у рок-исполнителей, мы слышим стихи Блока и Мандельштама. То есть и здесь проявляется стихия русского сознания.

Очевидно, что сейчас нас атакует американская поп-культура не самого высокого качества. Но отечественная культура, мощный российский дух ассимилируют все влияния, выдавая в итоге русский вариант содержания. Уверен в этом потому, что Россия — это не только запасы питьевой воды, но и запасы духовности (слово, которое не переводится на иностранные языки). Правда, там, на Западе, «духовность» переводится как мистика. Тогда как для нас за этим понятием всегда жизненное и, может быть, самое главное для нас содержание.

Надо понять, что сегодня мы имеем сложную многозависимую ситуацию. Беда в том, что настоящая интеллигенция оказалась затоптана набежавшими «во первых строках демократии» бездарностями...

— Но, казалось бы, гласность, переходящая в свободу, должна обеспечивать победу праведных сил?

— Свобода — это не постановление, а внутреннее состояние души. Российский человек всегда был мало свободен, но знал волюшку. В этом историческая двойственность нашего сознания. От свободы по постановлению до свободы духа очень далеко. К этому надо стремиться, за это надо бороться.

Мне же кажется, что сегодня более заметны проявления нового верноподданничества и угождения тем или иным политическим силам и властям. Это раньше говорили, что Сталин — самый мудрый и великий, теперь новым руководителям говорят, что те, кто был до них, дураки, убийцы и негодяи. Но ведь это одно и то же стремление угодить. Итак, пока впереди шагает все тот же полк конъюнктурщиков, всегда быстрее всех перестраивающихся в любом направлении.

— Что-то у нас получается мрачная картина?

— Так ведь накопленный опыт никуда не уходит. Опыт конформизма не исчез вдруг. Если вы всю жизнь были конформистом, а вам вдруг сказали: не надо — как быть? Вы же не умеете, не знаете, как можно иначе. Вы профессиональный конформист, образованный. Когда читаю — доктор исторических наук. Сразу вопрос — какой истории? Доктор экономических наук! Какой экономики? Это сухопутные адмиралы, так что сегодня вся надежда на боцмана и матросов.

Но это относится и к средствам массовой информации, и к искусству, к художнику, к тем, кто всегда держал нос по ветру. Он бы сегодня не нюхал, да обоняние хорошее. Развитое. Все запахи сверху унюхивает. Верха меняются — это неважно. Он всегда унюхивает ту силу, которая властвует. Как прекрасно унюхали нашу кинематографическую власть, переместившуюся с Гнездниковского (Госкино) на Васильевскую (Союз кинематографистов). Как прекрасно перестроился отряд адаптировавшихся кинематографистов.

— Как складываются у фонда отношения с кинематографистами?

— Конечно, мы ориентируемся сегодня на молодежь. Хотелось бы объединить всех, кто неизменно работает для детского зрителя: Л. Нечаева, В. Грамматикова, М. Юзовского, — надеюсь, это удастся. Не со всеми, правда, еще установились рабочие контакты. Видимо, для многих фонд еще недостаточно авторитетен.

— Какие все-таки у вас прогнозы на будущее отечественного кино?

— Хорошие. Конечно, только в творческом плане. Тон задают молодые кинематографисты. Это показал фестиваль «Дебют».

Если же говорить о будущем кино в целом... На мой взгляд, все решится, если Россия сохранит за собой 100 процентов кинопроката. Если он не уйдет под другими именами на Запад, в Америку и другие развитые страны. Сейчас в этом вопросе не все ладно. И здесь важна роль государства. В том, как он будет решен, проявится способность к управлению отраслью.

— Ролан Антонович, нетрудно заметить, что день ваш загружен до предела организационными и административными делами. Остается ли время для творческой работы?

— Здесь все развивается в тех параметрах, в которых я живу. Снимаю и играю не потому, что есть время. Закончил работу в трех фильмах. Замыслов много. Хочу поставить «Записки сумасшедшего». Это сегодняшний день. Сатирический взгляд на демократические процессы в России. Помните, отчего Поприщин сошел с ума? Преодолевая чувство собственной неполноценности, он пришел к демократической идее. Она состояла в том, что он стал поругивать начальство. Но, узнав, что в Испании, даже не в России, нет короля, сошел с ума. И в своем безумии, спасая равновесие мира, вообразил, что испанский король — он.

Разрастается давнишний замысел «Приключение Васи Куролесова», написан сценарий по мотивам сказки Х.-К. Андерсена «Дочь болотного короля», где попытался соединить фольклор с современностью. Размышления о живой душе как таковой вылились в сценарий «Трущобная кошка».

— Увидит ли зритель Быкова в новой роли?

— Снимаюсь в комедии для детей в Санкт-Петербурге на студии «Бармалей». Но главная для меня сегодня роль — Хрущев в фильме И. Гостева «Серые волки». Это опять 60-е, и никуда от них не деться...